

МУЛЯ

У нас в деревне всё как в путнем месте. Даже свой еврей имелся, не то что у некоторых. Звали его Самуил Моисеевич. По-деревенски – Муля. А он за Мулю-то и не обижался. Интеллигентнейший был человек, начитанный. Отец-то у него, Моисей Аронович, в Жмеринке на книжном складе грузчиком работал. Так Муля говорил – неудобно признаться, что завскладом. Некрасиво – еврей – и не грузчик...

Да и чего ему обижаться? Ну Муля и Муля... Он и не обижался. Пока не услышит от кого. И то: услышит – максимум – в зубы даст! Безобидно. Да и на него никто не обижался. Кузнец же! Не кувалдой же! А ведь мог бы...

Если кому-то покажется странным само словосочетание еврей-кузнец – то вот это зря! Самая интеллигентная и умственная работа. Борону починить, лошадь подковать, зуб выдрать – это всё к нему. Ну не в район же за сто вёрст гнать, если разболелся зуб-то? А у Мули ловко так получалось: заставит рот расшеперить, ногой в живот упрётся – раз! – и нет зуба! И охнуть не успеешь. Клещи-то из горна у него, калёные, полная санитария. Дак он и примочки свинцовые умел, и горячую подкову в портянке от ревматизма к пояснице привязывал – от всех болезней, значит... И то – у него для растопки целая медицинская энциклопедия имелась, наследство папашино. Поневоле исцелять намастыришься.

Иногда, правда, случались врачебные ошибки. То у пациента радикулит-то излечивался, но появлялся нервный тик и заикание, то размер клещей неподходящий подвернётся – бывало, и по пять зубьев сразу выдирали – а чё ему? Силища немерена, когда бы он их там считал-то? Хуже, если попадались зубы крепче, чем челюсть. Но на то он и мастер: сам бандаж сладит, сам приклепает – интеллигентно всё. Культурно. Ну а у борон и лошадей вообще претензий не возникало.

В общем, культурный был человек, грамотный. А то, что он еврей – в деревне и не думали. Мало ли у кого какие пробелы в биографии? Хуже было, что он совсем не пил – как с таким рассчитываться за работу? Не деньгами же... Да и не женатый он был. Вроде и без изъянов мужик-то – а не сосватаешь, раз не пьёт. А на трезвую – боязно.

Ну да там, вверху, лучше знают – когда чему быть.

Однажды погожий летним воскресеньем скотник Михалыч решил поправить-таки забор. Он вытаскивал клещами гвозди из досок, тщательно разгибал их и складывал аккуратной кучкой. Один особо настырный гвоздь никак не хотел вытаскиваться. Михалыч, тоже настырный, тихо поматюгиваясь, крутился вокруг гвоздя и так и сяк, применяя все известные ему методы. Гвоздь был неумолим.

На ту беду на улице показался Муля. Он был в лирическом настроении, чисто одет, с мытыми руками и причёсанной головой. В руках был дерматиновый портфель. Могло показаться, что он идёт в баню, но баня у него имелась своя. Михалычу недосуг было разбираться в этих нюансах.

– Самуил! Здоровы были! Подмогни-ни-то? Может, хоть ты с этим извергом сладись? Умаял он меня! – показал на непокорный гвоздь, как на большой зуб, Михалыч.

– Отчего же не помочь – непременно помогу! Мы ведь не чужие! – интеллигентно отозвался Муля. На последнюю сентенцию Михалыч в запале борьбы с гвоздём не обратил внимания. Муля аккуратно поставил портфель в сторонку, аккуратно снял и повесил на сучок ближайшей берёзки пиджак, взялся клещами за гвоздь, упёрся ногами, мило улыбнулся и рванул!

Полутораметровый забор с грохотом обрушился по всей длине до ближайшей калитки. Михалыч еле сумел отскочить. Полуторарагодовой поросюшке Михалыча повезло меньше. Она на свою беду что-то рыла пятаком в тени забора и приняла удар на себя. Когда свинья с истошным визгом выползла на передних ногах из-под досок, волоча задние позади тучного туловища, Михалычу сразу стало всё ясно. Конечно, свинская судьба привела бы к такому финалу уже ближайшей осенью, но теперь-то, в разгар лета, куда девать такую прорву мяса?

– Ну давай уж... чё ещё-то? Помогай ещё, ага... – снова обратился Михалыч к Муле. За поросячьим визгом проблема забора отошла на второй план. Дело в том, что Муля ещё и был незаменим при забое скотины. Он умел так точно и интеллигентно врезать любой скотине кулаком промеж глаз, что та на время впадала в глубокий нокаут, а там без визга и пыли дело завершалось проще и спокойнее. Свинья тоже таким образом была быстренько успокоена, Муля помог Михалычу с неизбежными в таких случаях хлопотами, а потом они предоставили их часть работы жене Михалыча Марфе Владимировне и их дочери Маринке, которые естественно выскочили на этот шум. Обе они обладали приятной дородностью, смуглым румянцем и карими глазами. Маринка мельком глянула на кузнеца, и румянец её раскалился, как в кузнечном горне.

Мужики отошли к берёзкам покурить. Любопытные соседи конечно интересовались обстановкой, но не нашли в происшествии ничего экстраординарного, и интерес затих.

– Ну и что это? И куда это?! – посетовал Михалыч. – Ладно бы осенью – так ведь нет! Свинья – это мясо! Свинья – это ноги! Ноги – это холодец! Холодец – это свадьба или хотя бы Новый год... Какая свадьба! Какой Новый год летом? Куда теперь это всё – в район на базар везти?

– Видите ли, уважаемый Альберт Михайлович... именно об этом я и шёл к вам побеседовать, – мягко тронул его за рукав Муля. – Я имею реализовать своё давнее намерение просить у вас и Марфы Владимировны руки Марины Альбертовны и предварительно обсудить финансовую сторону вопроса.

И он вынул из портфеля бутылку водки, букет мятых ромашек и букет незабудок, завернутый в свежую газетку «Путь Ильича».

Неизвестно, что повергло Михалыча в большой ступор – сама речь или бутылка в руках Мули, но он, округлив глаза и забыв отклеить от губы окурок, широким жестом повёл в сторону крылечка: мол, исполать вам, дорогие гостюшки, и извольте в горницы.

Всё было чин-чинарём: бутылка водружена посреди стола, букеты розданы по назначению, а вокруг бутылки как по волшебству возникли грибочки, капуста, огурчики малосольные, всё в культурных чеплашках, и конечно, приличного размера хрустальные рюмки. В каждом при-

личном доме они дожидаются своего звёздного часа где-нибудь в серванте или шкапчике.

Да собственно, никто, кроме хозяина, такому обороту событий и не удивился. Ходили, конечно, по деревне слухи, что Маринка по вечерам пропадает где-то в районе кузни, но отцы-то всегда всё узнают позже всех.

Всё было чинно, всё согласовано, только сроки свадьбы пришлось из-за свинского вопроса назначить на следующие же выходные, для чего молодые с фатой, цветами и свиным окороком на соседском «Запорожце» совершили предсвадебное путешествие в районный ЗАГС и там расписались вне всякой очереди, назвав причиной неожиданную беременность и предъявив вместо справки окорок. Окорок в таких случаях действует даже безотказнее, чем справка. Недели как раз хватило, чтобы нагнать самогона и управиться с делами. Ведь три разгульных дня брачующиеся обязаны были обеспечить его всем односельчанам без исключения. Этот закон из деревенской неписаной конституции соблюдался свято.

Так деревня лишилась последнего еврея, ибо какой же Муля после этого еврей, если женился не на какой-нибудь Саре, а на Марине Альбертовне, да ещё и вынужден был на свадьбе закусывать некошерным холодцом. А то гости же сами всё съедят.

АМНИСТИЯ

Деда Петя сидел на крылечке и подставлял лицо припекавшему солнышку. Он был весь какой-то худой, угловатый, нескладный, как кузнечик на былинке. Колени, локти, уши – казалось, что всё было из острых углов. А уши ещё и просвечивали розовым, как хорошо проявленная вобла. Да он и сам был весь какой-то просушенный и, казалось, невесомый. Вот вроде дунь посильнее – и унесёт деду Петю. Но это только на первый взгляд. Он так прямо держал спину, так достойно носил серые парусиновые штаны, всегда почищенные ботинки, серый выдавший виды пиджак и чистую рубашку в клеточку, что это невольно внушало почтение. А прямой взгляд его глаз цвета ранних незабудок мало кто мог выдержать больше секунды.

Лицо его было иссечено глубокими морщинами и имело цвет пергамента, а абсолютно белый ёжик на голове и голубые глаза всё это весьма колоритно оттеняли.

Деда Петя сидел на крылечке и наслаждался этим теплом, исходившим от тёмных деревянных ступеней, этими ласковыми солнечными лучами, звонкими голосами мальчишек, играющих в очередную «войнушку». В правой руке он аристократически держал самокрутку типа «козья ножка» и время от времени аккуратно выпускал к небу струйку сизого дыма. Деда Петя признавал только фабричную махорку в серых бумажных брикетах и ничто иное. Он так виртуозно скручивал под неё из газетной нарезки длинные узкие кулёчки, что ребятня на это любовалась, как на цирковой фокус. Ребятишкам, крутившимся туда-сюда по двору, зудело поприставать к нему с какими-нибудь глупостями, но они чутьём понимали, что сейчас-то не надо бы.

Вообще-то деда Петя любил беседовать с ребятами. Он никогда не опускался до снисходительного тона, всегда разговаривал с ними как с равными. Деда Петя не унижал детей сюсюканьем, даже если собеседнику было два года от роду, и никогда не позволял себе пошлости, тем более мата

при детях. Казалось, он знал всё на свете, его невозможно было заставить врасплох даже самым детским вопросом, но слов он много не тратил. Умел говорить мало, а сказать много. Дети не могли знать, что ему по жизни выпало лиха на пятерых, а жизнь – она всему научит. Если не убьёт.

В описываемое время деда Петя вовсе дедом-то и не был. Ни по возрасту, ни по статусу. Несмотря на пергаментный вид, он был жилистый мужчина выше среднего роста и до старости ему ещё было далеко. А семьи, и тем более детей и внуков, у него не случилось. Причину тогда афишировать было не принято. Деда Петя сидел. Долго. Где-то на Колыме. По пресловутой 58-й статье УК РСФСР.

Кто написал тот донос на обычного сельского учителя? Какой вред он мог нанести трудовому народу, партии и государству? Под какую кампанию «чисток» он попал? Теперь уже неважно. Только пока разобрались и реабилитировали – времени прошло немало. Ладно хоть выжил. Справедливости ради надо сказать, что после реабилитации деду Петю восстановили в партии, присвоили ему звание персонального пенсионера областного значения, что увеличивало стандартную пенсию едва ли не в два раза. На эти деньги можно было жить в полном достатке, да ещё ездить бесплатно на любом виде транспорта, кроме самолёта. Он и ездил. Проведал дальних родственников, разбросанных по большой стране, а чаще всего навещался к родному племяннику в сибирской деревне.

Он всегда появлялся внезапно, без телеграммы (телефонов не было), жил сколько вздумается, и так же внезапно исчезал. Ему были всегда рады, особенно ребятишки, потому что деда Петя привозил разные разности, а племяннику ещё и картины, свёрнутые в рулон. На картинах благоухали кусты сирени, улыбались brave моряки с развевающимися ленточками бескозырок, спелые яблоки и прозрачный виноград громоздились около румяно-поджаристой утки, а скромные девушки в беленьких платьицах махали платочком удаляющемуся белоснежному кораблю в синей солнечной дали моря.

Но одна картина выделялась из всех. На картине товарищ Сталин и товарищ Молотов гуляют с детьми в сказочно-красивом саду. Дети счастливые, а товарищ Сталин и товарищ Молотов по-доброму так им улыбаются. Да и картина эта даже размером была побольше других. Кто такой товарищ Молотов и он ли изображён на картине, никто не знал. А вот товарищ Сталин был легкоузнаваем. В редкие моменты, когда деда Петя снимал рубашку (например, чтобы на него вылили ведро воды над клумбой) – товарищ Сталин и товарищ Ленин, оба блекло-синие, смотрели на волю с левой стороны груди деды Пети. Они были искусно выведены как бы «два в одном» и имели вид мудрый и целеустремлённый. Никаких других изображений на деде Пете не наблюдалось. Лишь на пальцах одной руки просматривались какие-то синие точки.

Картины эти, а также какие-то важные тяжеленные книги и тёмно-красный альбом тиснёной кожи после отъезда деды Пети племянник хранил на чердаке. Не то чтобы он расходился с дедой Петей по политическим нюансам, они уважали мнение друг друга, но... Художественные предпочтения у них были разные. Племянник был штатным оформителем стенной газеты «Антисанитарии – НЕТ!!!» Он умел виртуозно вырезать трафареты под гуашные заголовки, витиевато писать плакатными перьями на ватмане и рисовать смешные карикатуры на пьяниц, прогульщиков, расхитителей казённого спирта и прочий асоциальный элемент своей родной районной больницы. Таланты эти бывали ежеквартально

поощряемы руководством в виде премии в размере десяти, а то и пятнадцати рублей, что давало племяннику полное основание относиться к дедапетиным художествам свысока. Мол, я, конечно, всё понимаю, но... как художник художнику... Ну не Шишкин...

На чердаке же, на беду дедапетиным раритетам, у ребятишек находился летний «штаб» на старых матрацах и тулупах, над которыми был натянут штопанный-перештопанный марлевый полог от комаров. В пологе для них была подвешена маленькая электрическая лампочка, что придавало пологу совершенно волшебные свойства: снаружи всё, что творится внутри, было прекрасно видно и слышно, а изнутри казалось, что ты в крепости, непроницаемой для вражеских глаз и ушей. А потому в «штабе» творились дела, немыслимые «на виду»: игра в подкидного дурака, поедание стыренной у соседей вяленой рыбёшки (она была несравненно вкуснее такой же своей), можно было в разговор «для взрослости» вворачивать непонятные, но такие крутые матерные словечки и рассказывать страшные истории на ночь. А уж если ночь была тёплой, и родители разрешали – как же вкусно было в этом пологе заночевать, воображая себя героем-партизаном! А мудрые родители старательно делали вид, что ничего не видят и не слышат, чтобы не нарушать эту мальчишечью романтику.

Конечно, такое беспокойное соседство находящимся на чердаке картинам и прочим вещам деды Пети на пользу не шло. Названия на толстых старых книжках были до крайности мудрёными, картинок в них вообще не было, а фамилии авторов (Вольтер, Чернышевский, Энгельс и пр.) не вызывали интереса. Некоторое почтение вызывали книжки с фамилией В.И. ЛЕНИН, потому что его портреты висели много где и о нём было известно, что он в детстве был очень кудрявым и смышлёным мальчиком, а потом сделал революцию. Но остальные книжки безжалостно использовались для вытирания грязных рук и прочих утилитарных нужд.

Шикарному альбому из бордовой кожи с тиснёным портретом Сталина на обложке повезло ещё меньше. В нём оказалось штук десять вшитых пергаментных конвертов с вложенными в них граммафонными пластинками. На пластинках были одинаковые синие наклейки с маленькими портретами Сталина, названия каких-то речей на каких-то съездах и большие цифры 78. Всё это было несущественно, поскольку пластинки были огромные, тяжеленные, прекрасно летали, если правильно запустить их вдоль улицы, и уморительно разбивались, столкнувшись с препятствием. Это было их огромное преимущество по сравнению с лёгкими, сдуваемыми с курса любым ветерком пластинками для радиолы, которые к тому же разбиваться не хотели вовсе – а какой тогда смысл их метать вообще?

Пластинка из альбома пробовалась на радиоле «Гамма-В», но там были только скорости «33» и «45», а скорости «78» не было вообще. Да и иголка для снятия звука была неподходящая. В результате из динамика радиолы доносились звуки, как будто бы огромному великану поставили в челюсть укол новокаина, и он с замороженным ртом пытается утробным басом выдавить слезу из зубного врача. В результате у слушателей на первой же минуте начинало у самих сводить скулы, и бедная пластинка была приговорена к красивой гибели в полёте. А заодно и все её подружки.

Сам альбом и чудом уцелевшая единственная в нём пластинка долго ещё пылился на чердаке, случайно прикрытый какими-то старыми половиками.

Что именно было записано на той пластинке, услышать удалось тоже чудом. Через год в магазине «Уценённые товары» появились списанные

«неликвиды» с базы «Райрыболовпотребсоюза», в числе которых были и новёхонькие патефоны. Стоили они (только не смейтесь) 2 копейки за штуку! То есть квадратный чемодан с кожаной ручкой, обтянутый муаровым чёрным дерматином, с блестящими защёлками, резиновым диском, блестящим ободом, хромированным звукоснимателем, блестящей кривой рукояткой завода пружины и самой шикарной спиральной пружиной внутри механизма – всего 2 (ДВЕ) копейки! Да ещё и в придачу с полсотни патефонных иголок в выдвижном эбонитовом ящичке! Надо ли говорить, что все эти богатства в мальчишечьем хозяйстве находили разнообразное применение. К примеру, патефонная пружина, вынутая из корпуса, прекрасно годилась для изготовления разновидности арбалета, а иголки – например как потайные гвоздики при изготовлении деревянного оружия и спортивного инвентаря. Сам-то чемодан прекрасно подходил отцам под инструмент и запчасти.

Ну 2 копейки-то тоже надо было ещё иметь. Школьный завтрак стоил 10 копеек (6 копеек булочка с повидлом и 4 копейки компот), и если удавалось как-то сэкономить, то излишки обычно тратились на значки, рыболовные крючки и прочие вещи первой необходимости. Однако нужные 2 копейки случились в кармане вовремя, патефон был принесён в «штаб». Вот тут-то и вспомнилось, что где-то завалилась ещё одна пластинка.

Пластинка была продута от пыли и протёрта чистой тряпочкой, затем установлена на диск. Патефону был тщательно «накручен хвост», и когда диск, снятый с маленького тормозного рычажка, набрал обороты, звукосниматель с иглой опустили на пластинку, и появился членораздельный звук.

Сквозь характерные пластиночьи щелчки и скрипы послышался глуховатый голос с мягким кавказским акцентом, который доходчиво рассказывал про врагов, внешних и внутренних, про то, как с ними надо вести борьбу, и каких рубежей на пути строительства светлого будущего планируется достигнуть. Конечно, ничего из этого дети тогда не понимали, но сам голос, хриловатый и какой-то родной, что ли – он завораживал, и его хотелось слушать и слушать. Ну конечно, сказки «Кошкин дом» или «Три поросёнка» слушать было куда интереснее, но голос... Товарищ Сталин давно уже в результате хрущёвской деятельности был персоной нежелательной ни в политических делах, ни в воспитательных, а книги его и пластинки с записями напрочь исчезли из поля зрения населения. Мальчишкам патефоновы внутренности были, конечно, более интересны. А потому слушания эти продолжались недолго.

Больше повезло картинам. Как с толком их использовать – придумать было сложно, а из рогатки стрелять как по мишеням на чердаке было не принято. Но и они постепенно в открытом климате естественным способом быстро приходили в негодность.

Ах как теперь жаль, что мальчишки тогда не могли хоть ненадолго стать большими и умными! Чтобы понять, что некоторые вещи невозможны, а История, какой бы она ни была, цены не имеет вовсе. Хотя возраст ведь не всегда приходит вместе с умом, а ум – с возрастом.

Но главное, чего не знали мальчишки и без чего этот рассказ писать было бы ни к чему, знал только племянник. Ценности деда Пети он ценностями не считал, но главную мечту деда Пети уважал и поддерживал.

А дед Петя мечтал заработать много денег. Сколько это – много – он не знал, но ровно столько, чтобы поставить большой гранитный памятник на Колыме. Памятник всем тем, кто попал в безжалостные жернова

системы, которая зачастую становилась слепой и бездушной, затягивая в свой водоворот и чужих, и своих. Система, как закрученная патефонная пружина, крутила свою пластинку, скрипела игла, подпрыгивала на трещинах, но единожды заведённая, она стремилась до конца отыграть своё.

А деда Петя мечтал заработать много денег, чтобы установить этот памятник и остановить эту машину, чтобы она больше не смогла завестись. Чтобы люди всегда помнили, что не надо больше накручивать эту рукоятку и отпускать тормоз. Ну и конечно, чтобы не забывали ни живых, ни мёртвых.

Деда Петя прекрасно понимал, что честным трудом в нашей стране больших денег заработать невозможно, а потому всячески пытался найти в себе хоть какой-то талант, который бы позволил это положение исправить. Он пробовал писать стихи и прозу, делать макраме и флористические композиции у себя в доме ветеранов, пытался сам научиться валянию из глины, писал картины. Талант, достаточный для достижения цели, всё не проявлялся. В живописи и рисунке он продвинулся больше всего, но как и замечал племянник, был там «далеко не Шишкин».

В областном доме ветеранов, где официально жил деда Петя, условия были просто шикарные. Ветераны жили всего лишь по два человека на комнату, в комнате был собственный санузел и холодильник с телевизором (немыслимое дело по тем временам), кормёжка была четыре раза в день, а по субботам ещё и баня с настоящей парной. Медицинско-бытовой персонал там имел повышенные ставки оплаты, подъедался за счёт стариков, а потому держался за своё место и был исключительно отзывчив. А это трудно, потому что старики частенько болеют и вредничают, что не странно. И ещё – о чудо! – там имелся собственный сад-дендрарий и жилой уголок в составе двух черепаш, птицы-канарейки в клетке и зелёного древесного удавчика, сонно висящего на сухой толстой ветке в стеклянном кубе. Весь этот рукотворный рай областного масштаба находился в тенистом огороженном парке в самом центре большого областного города.

– Ну прямо какой-то коммунизм! – недоверчиво воскликнет читатель, и будет не прав. Отдельно взятые коммунизмы и коммунизмики в стране для отдельных категорий граждан были построены, несмотря на «враждебное окружение». Ну не для всех... Но стремиться было к чему.

А деда Петя имел на сей счёт иное мнение. Его не устраивал персональный коммунизм. Тот, который не для всех. Не сумев поразить общественность талантами настолько, чтобы она дала ему много денег, не решив проблему с памятником, он посчитал, видимо, что не имеет права на этот рай. Он выпал из поля зрения родственников на долгих два года, хотя раньше появлялся каждое лето.

– А не случилось ли чего? – обеспокоился племянник и послал по почте запрос в дирекцию дома ветеранов. Через месяц пришёл официальный ответ, что Пётр Дмитриевич Такой-то как лицо полностью дееспособное выписался и забрал документы из их заведения, сославшись на переезд на место жительства к родственникам. Препятствовать ветерану партии и персональному пенсионеру областного значения ни юридических, ни моральных оснований у руководства не было. К официальной бумаге была приложена записка директора дома ветеранов о том, что в личной беседе Пётр Дмитриевич добавил ещё один, самый существенный момент. Он сказал, что он как коммунист и материально обеспеченный человек не имеет права жить в таких тепличных условиях, в то время как тысячи ветеранов живут в условиях куда как худших. Ещё директор дома вете-

ранов приписал, что он сам как бывший полковой политрук понимает и внутренне поддерживает Петра Дмитриевича и даже не решился его отговаривать. Но вот к кому именно из родственников пожелал переехать Пётр Дмитриевич, он не сообщил.

Письменно опрошенные родственники один за другим уверяли в отсутствии информации по данному вопросу, и вопрос сам собой как-то утратил актуальность.

Прошёл ещё год. Однажды в дверь постучали. Вошедший спросил, дома ли племянник, назвав его по имени-отчеству. Он был довольно молод и имел характерную внешность. Опытный взгляд мог в нём безошибочно определить человека, сидевшего в тюрьме или на зоне. По едва уловимым нюансам в манере носить одежду, разговаривать, тщательном подборе слов, а главное – в особом взгляде. В пронзительном, как у деды Пети, оценивающем взгляде, когда человек за две секунды просвечивает тебя как рентгеном и запоминает. Там – умение быстро и точно с первого взгляда понять, кто перед тобой, вырабатывается до уровня рефлекса. Племянник тоже в жизни всякого повидал, верно заценил вошедшего и быстрым жестом прервал начавшееся было любопытствующее женское кудахтанье.

– Доброго здоровья, – с достоинством промолвил вошедший. – Такой-то Такой-то – это вы?

– И вам не хворать. Да, я буду. А вы как зовётесь?

– Да ни к чему оно. Вам велено передать, – пришелец достал из внутреннего кармана чистый тряпичный свёрток, из него – фотографическую карточку 9 на 16 и протянул племяннику. На карточке явно был изображён дед Петя, но никаких надписей на ней не было.

– Это всё? Может, на словах что?

– Всё. Сказано передать. Теперь мне пора.

– Так пообедать с нами? А то и заночевать можете, устали небось? Откуда хоть? – прорвалась к разговору племянникова жена.

– Нет, спасибо. Пора мне, – и посланец, развернувшись, шагнул за порог.

Племянник проводил его через двор до ворот, тщательно закрыл ворота на деревянную вертушку и только потом вернулся в дом.

– Ну вот чего ты такой-то? Человек с устатку, хоть порасспросить, что да как, за столом, по-человечески, бутылочку бы поставила...

– Да помолчи ты. Не будет он. И не скажет больше, чем сказал. Почта это.

– Какая ещё почта? Неуж я нашу-то почтальоншу Катерину не знаю? Да и сумка у ей агроменная, а этот гол как сокол! Почта...

– Это другая почта. Эта всегда всё по адресу приносит и квитанцию не выдаёт. Было бы велено что на словах – передал бы в точности. Ну-ка, давай фотку-то. Там наверно всё.

Они положили фотографию на чистую скатёрку и принялись рассматривать.

На фото дед Петя сидел на деревянном крылечке, одной рукой обхватив острую коленку в парусиновых штанах, подставив лицо предзакатному солнышку, спокойно, с прищуром смотрел прямо в объектив и слегка улыбался. В другой руке он грациозно и легко держал двумя пальцами неизбежную «козью ножку», из которой к небу спокойно поднималась тоненькая белесая спиралька дыма. А в самом уголке фотографии проглядывался край казённой вывески.

– Не приедет он, – постановил племянник, – и искать его не велит. По всему – он в каком-то сельском доме престарелых, и ему там хорошо. Зачем слова – всё ясно. Не приедет он больше. Так решил.

Он и не приехал больше. Никогда.

А перед моим мысленным взором с тех пор хранится такая картина: деда Петя с самокруткой с высоты деревенского крылечка наблюдает, как товарищ Сталин и товарищ Молотов гуляют в саду с детьми, а над ними светит неяркое тёплое солнышко, которое заставляет деду Петю слегка щурить незабудковые глаза. И его губы тоже слегка, совсем чуточку, трогает улыбка. Пусть гуляют.

Он давно уже судил их. Собственным судом. Строго и по справедливости.

И по его суду вышла им амнистия, а может, и реабилитация.

Потому что дети должны гулять в саду, а солнышко светить.